

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-16>

УДК 82

НОВЫЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ: СЛУЧАЙ Л.Е. УЛИЦКОЙ

И.С. Букал (Красноярск, Россия)**А.И. Гондарева (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы и цель. Современное литературоведение выделяет неосентиментализм как одно из актуальных направлений в русской литературе рубежа XX–XXI вв. Писатели Нового времени, отрицая идеологию постмодернизма с присущими ему кризисом самоидентификации личности, миром симулякров, скепсисом, находят опору в «первоосновах» литературы, обращаясь к традиции, создают новую художественную парадигму. В статье анализируются знаковые тексты Л. Улицкой как яркого представителя современного неосентиментализма, чьи произведения обнаруживают маркеры репрезентации основных черт направления. Опорой исследования послужили труды М. Бахтина, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Н. Ковтун, А. Чагина, Ю. Подлубновой.

Методологией исследования стали сравнительно-сопоставительный, историко-культурный, структурно-типологический подходы.

Предметом исследования является функционирование черт нового сентиментализма в текстах Л. Улицкой.

Результаты исследования. На основании анализа знаковых текстов Л. Улицкой показано, как изменяется восприятие личности и истории в прозе неосентиментализма, на первый план выдвигаются бытие человека, попытка самоидентификации, внутренний мир персонажей, их чувства. В художественной действительности Л. Улицкой возникает необходимость утверждения приоритетности судьбы конкретного человека по отношению к историческим датам, настоящим героям, идеологическим и политическим событиям.

Заключение. Художественная манера Л. Улицкой лишена элементов назидательности, повествование иронично, автор предоставляет читателю право выбора – отнестись к произведению как к увлекательной истории или приобщиться к глубинным смыслам, следуя за авторской логикой. Задача писательницы – примирить читателя с амбивалентностью реальной жизни, сложностью человеческого бытия, открыть тайну устойчивости в мире-хаосе через сострадание, нежность, подлинную любовь, которые и признаются основами мироздания.

Ключевые слова: *неосентиментализм, традиция, внутренний мир, чувствительность, новый язык, Л. Улицкая.*

П*остановка проблемы.* Развитие литературного процесса в современной России является объектом пристального внимания критиков и литературоведов. Синхронно сосуществующие, взаимопроникающие литературные системы являются объектом актуального научного дискурса [Ковтун, 2016, с. 52–56]. Новый сентиментализм не является исключением, однако, несмотря на существование корпуса научных работ, посвященных исследованию означенной художественной парадигмы, дать его определение достаточно сложно. Ряд ученых, таких как А. Чагин, Ю. Подлубнова, по-разному понимают новый сен-

тиментализм [Чагин, 2008; Подлубнова, 2009]. Сходство прослеживается лишь в двух аспектах: хронологическом и идеологическом. В самых общих чертах определение нового сентиментализма сводится к следующему – это течение в актуальной отечественной литературе, зародившееся в середине 1990-х гг. как социокультурная оппозиция ведущих художественных тенденций постмодернизма.

Литературоведение второго тысячелетия, активно изучающее рассматриваемое течение, сформулировало следующие отличительные черты нового сентиментализма: попытка преодоления кризиса самоидентификации личности; обращение к внутреннему миру «маленького человека», утверждение его значимости и уникальности; стремление к актуализации памяти культурных архетипов и мифологем; противоборство с хаосом окружающего мира с опорой на чувственность и природное начало в человеке; опыт создания нового языка, где на смену полисемантическому знаку приходит моносемантическое физиологическое чувство [Лейдерман, Липовецкий, 2002, с. 560–582]. Эти наблюдения, сделанные рядом ученых на основании анализа текстов Л. Улицкой, Н. Коляды, М. Палей, Е. Гришковца, М. Вишневецкой, Л. Петрушевской, Г. Щербаковой и др., позволяют сформировать общее представление о новом сентиментализме, но не всегда проясняют особенности индивидуальной реализации художественных тенденций в творчестве отдельных авторов.

Цель статьи – анализ наиболее репрезентативных текстов Л. Улицкой для выявления специфики использования в них возможностей художественного потенциала рассматриваемого литературного явления. В наблюдениях мы опираемся на труды М. Бахтина, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Н. Ковтун, А. Чагина, Ю. Подлубновой и др.

Методология. Рубеж XX и XXI вв. обозначился новым переломным моментом в устоявшихся художественных тенденциях и породил многообразие синхронно сосуществующих литературных систем. Однако чтобы разобраться в их природе, необходимо принимать во внимание предварившее их возникновение положение вещей.

Условную нижнюю границу новейшего этапа в отечественной литературе принято относить к середине 80-х гг. прошлого столетия [Лейдерман, Липовецкий, 2002, с. 422]. Перестройка, вызвавшая ряд преобразований в СССР; реформы во внешней и внутренней политике государства; отмена жесткой цензуры – все это не могло не сказаться на развитии художественной литературы. Впоследствии была установлена фактически полная свобода печати, ознаменовавшая собой выход из тупика соцреалистической литературы. Именно с этого момента в полную силу начинает развиваться поэтика постмодерна.

По мнению Лейдермана и Липовецкого, постмодернизм вышел на литературную сцену как готовое направление, вне исторической динамики, как единое, монолитное образование, хотя фактически русский постмодернизм представлял собой сумму нескольких тенденций. В основу нового философско-культурологического течения легла идея о несостоятельности прежних ценно-

стей эпохи Просвещения, включая идеологию соцреализма. Объективная реальность мыслилась как сфера одновременно сосуществующих и накладывающихся друг на друга явлений, культурных языков, мифов, признавалась непознаваемой [Лейдерман, Липовецкий, 2002, с. 422]. Постмодернизм сосредоточил внимание на феномене раздробленности, расколотости мира и сознания индивида.

Отличительными чертами постмодернизма стали: отказ от какой-либо иерархии, интертекстуальность, расширение читательской аудитории за счет привлечения массовых жанров: детективы, мелодрама, фантастика. Ведущим литературным приемом был признан деконструктивизм. Художественная литература из «учебника жизни» превращается в своеобразную экспериментальную лабораторию, стремящуюся успеть за быстро изменяющимся, глобализирующимся миром. Однако, несмотря на поисковый, эвристический характер, течение быстро пришло к так называемой «автоматизации», повлекшей за собой новый виток литературной эволюции [Тынянов, 1977, с. 280]. Рубеж XX–XXI вв., по мнению Чагина, ознаменовался переходом русской литературы в полосу кризисного развития, которую можно определить тыняновским словом «промежуток», то есть пространство, где очертания нового литературного периода еще только начинают вырисовываться [Чагин, 2008, с. 325].

Эстетическая специфика литературы рубежа второго тысячелетия определяется, прежде всего, формированием новой художественной среды, в которой произведение требует интерактивного восприятия. Смысловая наполненность текста оказывается в прямой зависимости от конструкторских умений читателя. Характерной особенностью этого направления являются новая искренность, новый гуманизм, новый утопизм, сочетание интереса к прошлому с открытостью будущему [Ковтун, 2010, с. 185–193]. Писатели освобождаются от жанровых, эстетических, идеологических канонов, создают принципиально новую модель мира, показывают иных героев, близких и понятных современному читателю. Автор рубежа XX–XXI вв. пребывает как бы в постоянном поиске точки опоры. В связи с этим возникает многообразие стилей, объединенное, впрочем, общим феноменом – стремлением к наследованию традиции, которая и помогает закрепиться в мире-хаосе.

Современное литературоведение придерживается мнения, что некогда актуальная дихотомическая схема «следование традиции – разрыв с традицией» устарела. Процесс актуального авторского поиска подразумевает обращение ко многим линиям культурного преемства, указания на факт преемственности или ее отсутствия уже недостаточно. Необходимо определять, «какой именно традиции „следует” тот или иной автор и „разрыв” с какой именно традицией он провозглашает» [Есаулов, 2004, с. 577]. В свою очередь, историко-литературный процесс наглядно демонстрирует, что абсолютная вне традиционность какого бы то ни было текста невозможна. Поскольку подражать, копировать и наследовать можно чему угодно, актуальное литературоведение нуждается в изучении глубинной аксиологической мотивации обращения к литературным универсалиям. Таким образом, мы понимаем

под наследованием традиции не механическое подражание тому или иному исторически сложившемуся литературному канону (что, по сути своей, является скорее консерватизмом), но перенесение наиболее выразительных и продуктивных его приемов в поле актуальной словесности с последующим переосмыслением и расширением их функционального наполнения. Цель подобного обращения – наследование ряда экзистенциальных ценностей, весомость и значимость которых может быть в достаточной степени выражена заимствованным средством, а одна из ведущих задач – поиск таких художественных ресурсов, которые бы позволили автору приобщиться к многовековой традиции культурного созидания, утверждающего абсолютную значимость духовных накоплений человечества.

По мнению А. Чагина, ориентация на традицию оказывается одной из наиболее значительных тенденций развития современной русской литературы [Чагин, 2008, с. 324]. Н. Лейдерман и М. Липовецкий, в свою очередь, отмечают, что существовавшие ранее литературные течения не прервали своего существования, а лишь были оставлены на время, необходимое для осуществления творческого поиска [Лейдерман, Липовецкий, 2002, с. 560–582]. Одним из таких течений является сентиментализм конца XVIII – начала XIX столетия.

Подчеркнем, сентиментализм в конце XVIII в. представляет собой осознанную необходимость противоборства с классицистическим каноном. По мнению Кочетковой, течение формировалось в тесной связи с просветительской идеологией, утверждающей внесловную ценность личности. Герой сентиментализма буквально являлся идеалом новой гуманистической эпохи, совершенным в своем умении чувствовать. Сентиментализм отразил новое мироощущение людей, показал, что взаимоотношения между человеком и окружающим миром сложны, противоречивы и, что особенно важно, изменчивы [Кочеткова, 1980, с. 726].

Новый сентиментализм зарождается в схожей ситуации необходимости преодоления сложившихся идеологических и художественных тенденций постмодернизма. Перенимая у сентиментализма подчеркнутую субъективность подхода к миру, культ чувства и природного начала в человеке, тенденцию к утверждению богатого духовного мира каждой личности, а также сомнение в непогрешимости рациональности, авторы нового сентиментализма предприняли попытку преодоления кризиса самоидентификации личности, находящейся один на один с тотальной непознаваемостью.

Отметим, что мир, в котором существуют авторы нового сентиментализма, дошел до абсолютного предела постмодернистской деконструкции, утратил свою цельность, весомость, значимость. Вместе с ним этих качеств лишилась и сама личность, претерпевшая кризис самоидентификации. Новый сентиментализм предпринимает попытку если не разрешения, то как минимум осмысления этой экзистенциальной проблемы. Внешней хаотичности и хрупкости социального мира он противопоставляет способность людей объединяться в нечто более устойчивое и цельное [Ковтун, 2012].

Основанием подобному объединению служит новый язык, предложенный авторами неосентиментализма, в котором на смену полисемантическому знаку приходит моносемантическое физиологическое чувство. Разочаровавшись в разуме как в генераторе симулякров, новый сентиментализм наделяет телесное движение духовным значением, а саму сексуальность осознает как поиск диалога, в котором одна личность может преодолеть границы другой и приблизиться к возможному пределу понимания и взаимного доверия.

Результаты исследования. Весьма показательны герои нового сентиментализма. Это не просто «маленькие люди», представители низших сословий, но персонажи, стремящиеся преодолеть ощущение собственной незначительности на фоне хаоса окружающей их социальной среды. К числу таких героев, несомненно, принадлежит Самоня из романа Л. Улицкой «Медея и ее дети»: сознательный, рефлексивный, последовательно формирующий собственное мнение в отношении той или иной ситуации и неизбежно страдающий «приступами» необоримой паники в ситуации необходимости высказывания собственной точки зрения. Самоня признается Медее: «...рядом с вами нет страха», тем самым мотивируя собственный неподдельный интерес к женщине (Улицкая, 2018, с. 74). Именно эмоциональная тождественность, умиротворяющее влияние личности одного человека на самоощущение другого является основанием к близости. «Жизнь, конечно, делается все лучше и лучше, – иронично замечает Самоня, – но я думаю, что вдвоем нам эту хорошую жизнь будет легче переносить» (Улицкая, 2018, с. 77).

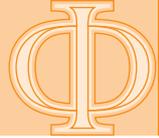
Герой, ищущий опору в мире-хаосе, не единственный тип персонажа, характерный для нового сентиментализма. Так, например, в знаковых текстах Л. Улицкой «Веселые похороны», «Медея и ее дети», «Зеленый шатер» мы встречаем ряд персонажей – Алик, Медея, Ольга, которые выполняют важную онтологическую функцию – являются своеобразной конструктивной, созидательной силой в пределах того малого пространства, которое они занимают и на которое способны оказать воздействие. Так, Алик, эмигрировавший из Советского Союза, «как будто никуда и не уезжал, устроил Россию вокруг себя», объединив между собой самых разных представителей советской иммиграции, став для них собеседником, опорой (Улицкая, 2001, с. 154).

Образ Алика подсвечен фигурой Христа. Герой выступает пастырем для Ирины, Майи, Нины, Фимы и многих других. Будучи вовлеченным в невероятное количество самых разных судеб, Алик «...никогда не чувствовал необходимости принимать чью-то сторону, он стоял на своей собственной стороне, и это место позволяло ему любить всех равно» (Улицкая, 2001, с. 119). Сближение образа Алика с образом Христа подкрепляется и финалом романа, символизирующим своеобразное воскрешение главного героя, обращающегося к поминающим его друзьям уже с аудиозаписи. Несмотря на условный, игровой характер воскрешения «великая пустота, которая возникает после смерти, была заполнена обманым путем. Но – удивительное дело! – она была все-таки заполнена» (Улицкая, 2001, с. 178).

В совокупности герои произведений Л. Улицкой представляют собой так называемые «эмоциональные сообщества», в которых люди привержены единым нормам выражения и ценностям [Rosenwein, 2006, с. 2]. Персонажи испытывают в отношении друг друга широкий спектр чувств, в основании которого могут лежать как любовь и сочувствие (например, в семействе Синопли, роман «Медея и ее дети»), так и нечто совершенно противоположное (как это происходит между некоторыми из членов семьи Кукоцких в романе «Казус Кукоцкого»). При этом персонажи не демонстрируют читателю надлежащий способ реализации собственного эмоционального начала, определяемый Гирцом как «символическая модель чувств» [Гирц, 2004, с. 76]. Их задача заключается в легитимизации чувствительности как таковой, в утверждении экзистенциального права человека на чувствование.

Примечательно, что героям случается руководствоваться «моделями чувств», зачастую неосознанно, ввиду подсознательной актуализации памяти древнейших культурных архетипов и мифологем. Так, например, в романе «Казус Кукоцкого» главная героиня – Елена, пребывая в состоянии помутненного сознания, не утрачивает способности к осмыслению собственного бытия. Вся вторая глава романа – интерспективное путешествие в мир подсознания героини, неспособной нащупать опору собственного существования (не только в метафорическом смысле, Елена страдает когнитивным расстройством). Пространство, в котором оказывается женщина, построено на ее глубинных образах и ассоциациях. Этот мир, являющийся преломлением реальности в болезненном восприятии героини, невозможно познать рационально. Однако Елена ощущает себя в нем спокойно, поскольку интуитивное восприятие происходящего позволяет ей верно понимать суть предмета или явления, не узнавая его физического воплощения. В частности, в границах обозначенного инопространства она обнаруживает человека, визуально и функционально соотносимого с апостолом. Героиня не узнает в нем своего мужа Павла, однако улавливает существующую между ними близость. Будучи ведомой им через инопространство, она преодолевает ряд испытаний, после чего ей в полной мере открывается суть находящегося рядом с ней человека. Конфликт, произошедший между персонажами вне инопространства, находит разрешение именно в нем: герои пребывают в метафизическом пределе, подобном библейскому образу райского сада, и достигают полного взаимного понимания и прощения.

Рефлексия героев Л. Улицкой далеко не всегда направлена внутрь собственного сознания. Давая герою право голоса, автор предоставляет ему возможность осмыслить алогичность окружающего мира и попытаться разрешить ряд проблем, которые волнуют самого писателя, что обуславливает историчность повествования. Художественная реальность максимально сближается с объективной, внешней, и соотносится с ней в исторических фактах, катастрофах, персоналиях. Ярким проявлением этой тенденции является роман Л. Улицкой «Зеленый шатер»,

где повествование панорамно охватывает промежуток времени «от Иосифа до Иосифа», то есть от смерти Сталина до смерти Бродского.

Освещение столь значительного хронологического отрезка, вмещающего в себя судьбу не одного и не двух поколений, требует соответствующих жанровых форм. Чаще всего это повести или романы, разделенные на части или главы, обладающие своей спецификой. Например, в романе «Зеленый шатер» каждая глава организована по принципу новеллы и вполне могла бы претендовать на автономное существование. Сделано это с целью акцентирования внимания на судьбе конкретной личности. Сюжетная связь глав-новелл между собой осуществляется за счет наличия сквозных персонажей. Важная особенность такого повествования – условность определения главного героя. Та или иная глава, как правило, посвящается судьбе конкретной личности, демонстрируя не только ее самоценность, уникальность, глубину, но и взаимосвязь со всем остальным миром, что принципиально важно для идеологии нового сентиментализма.

Историчностью текстов продиктована ретроспективная организация повествования, которая позволяет обратить внимание читателя на феномен памяти как инопространства. Герои открывают для себя возможность метафизического перемещения в прошлое посредством погружения в воспоминания. Иллюзорный, зачастую излишне идеализированный мир оказывается предпочтительной альтернативой окружающей действительности. Другими вариантами инобытия, выполняющего сходные функции, являются: процесс чтения («Сонечка»), сон («Медея и ее дети»), комотозные состояния («Казус Кукоцкого»).

Выводы. На основании анализа знаковых текстов нового сентиментализма мы можем назвать актуальные для него проблемы: преодоление кризиса самоидентификации; утверждение ценности внутреннего мира личности; поиск нового языка; противоборство с хаосом окружающего мира; восстановление человека в его экзистенциальных правах (право претендовать на любовь, понимание, сочувствие, а также право на выражение этих чувств); осмысление исторических реалий и утверждение приоритетности судьбы конкретного человека в соотношении с оными.

Отметим, что такой спектр проблем не реализуется в назидательном ключе, Л. Улицкая предоставляет читателю право осознанного выбора – отнестись к произведению как к развлекательной истории или следовать сложнейшей авторской навигации. Задача Л. Улицкой – примирить читателя с превратностями настоящего, столь схожими с коллизиями, разворачивающимися на страницах ее книг.

Список источников

1. Улицкая Л.Е. Веселые похороны: повесть. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011.
3. Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого: роман. М.: Эксмо, 2006.
4. Улицкая Л.Е. Медея и ее дети: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.
5. Улицкая Л.Е. Сонечка: повесть. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.

Библиографический список

1. Абашева М.П., Воробьева Н.В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков. Пермь, 2007.
2. Бахтин М.М. Проблема сентиментализма // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1997. Т. 5.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Есаулов Е.А. Традиция в литературе // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. 4-е изд. М., 2004.
5. Ковтун Н.В. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В. Распутина, «Учение ЕПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) // LITERATURA (RusisricaVilnensis). 2016. № 58 (2). Vilnius: Vilniaus universitetas. P. 52–65.
6. Ковтун Н.В. Судьба отечественной классики в интертекстуальном поле ранних текстов Л. Улицкой // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11, вып. 2. С. 172–179.
7. Ковтун Н.В. Трансформация утопии в малой прозе рубежа XX–XXI веков (на материале повести В. Маканина «Лаз») // Русская литература. 2010. № 3.
8. Кочеткова Н.Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980–1983. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. 1980.
9. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: учеб. пособие для вузов: в 2 т. М.: Академия, 2002. Т. 2.
10. Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
11. Подлубнова Ю.С. Современный литературный процесс: конспект лекций: в 2 ч. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. Ч. 2: Проза 2000-х гг.
12. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История Литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
13. Чагин А.И. Вестник российской академии наук. Русская литература сегодня. 2008. Т. 78, № 4.
14. Rosenwein V. Emotional Communities in Early Middle Ages. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006.

Сведения об авторах

Букал Ирина Сергеевна – магистрант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bukal_is@mail.ru

Гонтарева Альбина Игоревна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-16>

NEW SENTIMENTALISM: THE CASE OF L. E. ULITSKAYA

I.S. Bukal (Krasnoyarsk, Russia)

A.I. Gontareva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Introduction. Modern literary studies distinguish neo-sentimentalism as one of the most important trends in Russian literature of the turn of XX – XXI centuries. Writers of modern times, denying the ideology of postmodernism, with its inherent crisis of self-identification of the individual, the world of simulacra, skepticism, etc., find support in the „fundamentals” of literature – referring to tradition, create a new artistic paradigm. The authors of the article analyze the iconic texts of L. Ulitskaya, as a bright representative of neo-sentimentalism of the early XXI century, and find markers of representation of the main features of the direction in the work of the writer. Support for the study was the works of M. Bakhtin, N. Leiderman, M. Lipovetskiy, N. Kovtun, A. Chagin, J. Podlubnova and other scientists.

Materials and methods. Comparative, historical, cultural, structural, typological and descriptive approaches became the methodology of the research.

The subject of the research is the functioning of the features of the new sentimentalism in the early texts by of L. Ulitskaya.

Results. Based on the analysis of iconic works of early works of L. Ulitskaya, it is concluded that the life of the individual, the attempt of its self-identification, the inner world of the characters prevails over the relationship with the outside world. In the artistic reality of L. Ulitskaya, there is a need to assert the priority of the fate of a particular person in relation to historical events, personalities, catastrophes.

Conclusions. The narrative of the writer is not endowed with edifying character. L. Ulitskaya ironically gives the reader the right to choose – to treat the work as a fascinating story, or to join the author’s intentions. The task of the narrator is to reconcile the reader with the ambivalence of real life, so similar to the stories in the pages of her books.

Keywords: *prose, neo-sentimentalism, tradition, inner world, sensitivity, new language, L. Ulitskaya.*

Spisok istochnikov

1. Ulickaya L.E. Veselye pohorony: povest'. M.: EKSMO-Press, 2001.
2. Ulickaya L.E. Zelenyj shater: roman. M.: Eksmo, 2011.
3. Ulickaya L.E. Kazus Kukockogo: roman. M.: Eksmo, 2006.
4. Ulickaya L.E. Medeya i ee deti: roman [Medea and her children]. M.: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2018.
5. Ulickaya L.E. Sonechka: povest'. M.: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2018.

Bibliograficheskiy spisok

1. Abasheva M.P., Vorob’eva N.V. Russkaya zhenskaya proza na rubezhe XX–XXI vekov [Russian women’s prose at the turn of the 20th – 21st centuries]. Perm’, 2007.
2. Bahtin M.M. Problema sentimentalizma. Sobranie sochinenij: v 7 t. [The problem of sentimentalism. Collected works in 7 volumes]. M., 1997 g.

3. Girc K. Interpretaciya kul'tur [Interpretation of cultures]. M.: ROSSPEN, 2004.
4. Esaulov E.A. Tradiciya v literature // Vvedenie v literaturovedenie / pod red. L.V. Chernec. 4-e izd [Tradition in literature, *In Introduction to literary criticism* / ed. L.V. Chernets. 4th ed]. M., 2004.
5. Kovtun N.V. Aktual'naya literatura v zerkale manifestov («Moj manifest» V. Rasputina, «Uchenie EPS» V. Erofeevai «Otricanietraura» S. Spargunova) [Actual literature in the mirror of manifestos („My manifest” by V. Rasputin, „Teaching of the ENP” by V. Erofeev and «Denial of mourning» by S. Shargunov)] // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. № 58 (2).
6. Kovtun N.V. Sud'ba otechestvennoj klassiki v intertekstual'nom pole rannih tekstov L. Ulickoj [The fate of Russian classics in the intertextual field of early texts by L. Ulitskaya] // Vestnik NGU. 2012. T. 11, vyp. 2.
7. Kovtun N.V. Transformatsiy utopii v maloi proze rubeza XX–XXI vekov (na materiale povesti V. Makanana «Las») // Russkay literatura. 2010. № 3.
8. Kochetkova N.D. Sentimentalizm. Karamzin // Istoriya russkoj literatury: v 4 t [Sentimentalism. Karamzin, *In History of Russian literature: In 4 volumes*] / AN SSSR. In-t rus.lit. (Pushkin. dom). L.: Nauka. Leningr. otd., 1980–1983. M. 1980. T. 1: Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka.
9. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gg.: uchebnoe posobie dlya vuzov: v 2 t. [Lipovetsky M.N. Contemporary Russian literature: 1950-1990s: textbook for universities: in 2 volumes]. M.: Akademiya, 2002. T. 2.
10. Lipoveckij M.N. Paralogii: transformaciya (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-h godov [Paralogies: the transformation (post) of modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
11. Podlubnova Yu.S. Sovremennyy literaturnyj process: konspekt lekcij: v 2 ch. [The modern literary process. Part 2. Prose of the 2000s: lecture notes: at 2 p.m.]. Ekaterinburg: UGTU-UPI, 2009. Ch. 2: Proza 2000-h gg.
12. Tynyanov Yu.N. Poetika. Istoriya Literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Movie]. M.: Nauka, 1977.
13. Chagin A.I. Vestnik rossijskoj akademii nauk. Russkaya literatura esegodnya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Russian literature today]. 2008. T. 78, № 4.
14. Rosenwein B. Emotional Communities in Early Middle Ages. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. P. 2.

About the authors

Irina Sergeevna Bukal – graduate student of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafieva; e-mail: bukal_is@mail.ru

Albina Igorevna Gontareva – graduate student of the Department of World Literature, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: albka_kaza@mail.ru